

Prezentacje, wywiady

Презентации, интервью

Wywiady z filozofami krajów słowiańskiego obszaru językowego zamieszczane w kolejnych numerach Pisma „ΣΟΦΙΑ” mają na celu przybliżenie aktualnie działających czołowych postaci filozofii poszczególnych krajów słowiańskich.

(Redakcja)

O swoim filozofowaniu i praktyce naukowej mówi prof. dr hab. Wiktor P. Makarenko

*Доктор философских наук, профессор Виктор П. Макаренко
о своей философской и научной практике*

Господин Профессор, Ваши интеллектуальные достижения импонируют. Вы публикуете свои тексты не только на русском языке. Ваши труды переводятся на языки Западной Европы. Ваши труды выходят и на польском языке. Вы не только постоянный автор журнала философов славянских стран «София», но и его соредактор. Вы входите в состав Научного Совета и Коллегии Рецензентов журнала. Однако наша информация, особенно о Вашей деятельности в России, недостаточна. Не могли бы Вы приблизить свою Персону Читателям журнала «София» и хотя бы кратко представить свои собственные теоретические позиции, а также философские и организационные достижения? Мы были бы также благодарны, если бы Вы уделите нам хотя бы несколько реплик о событиях Вашей интересной жизни.

ВМ: О собственных «достижениях и успехах» судить всегда трудно. Идеология «достижений и успехов» советской власти подвергалась справедливой критике в период «Солидарности». Однако либеральный шаблон

«успешного человека» устоял. Мне ближе типология Ф. Знанецкого, согласно которой я – «человек труда». К настоящему времени опубликовал более 200 научных работ, в том числе около 20 книг. Но количественный критерий сомнителен. Качественный критерий – это блок разработанных мной концепций.

В Советском Союзе философии не было. Она возникала заново, и внутри нее порядочные люди занимались проблемами теории познания, истории философии и логики. А циники и холуи занимались историческим материализмом, теорией коммунизма и прочей белибердой. Их выбор означал, что человек хочет обслуживать идеологические шестеренки. В современной России желание быть идеологической шестеренкой не исчезло. Социальная философия, культурология, социология, политология углубляют социальную ложь, наследуя схемы исторического материализма, научного коммунизма и их многочисленных конотаций. Воспроизводство идеологических шестеренок связано с общими свойствами российской интеллигенции: неприязнь к логике; равнодушие к методологии; превалирование словесного творчества над анализом реальных проблем.

Я всегда топтал свою дорогу. С 1974 по 1995 год занимался проблемами бюрократии, оппозиции, легитимности. С 1995 г. по настоящее время развиваю политическую концептологию. В ее рамках я разработал теории властисобственности, осуществил сравнительный анализ современных идеологий, описал методологические и теоретические аспекты политической концептологии. С основным содержанием этих исследований читатели журнала „ΣΟΦΙΑ” могут ознакомиться в Интернете на сайтах (http://portal.rsu.ru/science/modernisation/L_M/Makarenko/%E3%C9%CB%CC%20%D2%C1%C2%CF%D4%201985-2000%20C7C7.doc); <http://polittheory.narod.ru> <http://www.arts.mun.ca/arpdc/login/index>; <http://www.politex.info/content/view/124/2/>. С удовольствием приму участие в обсуждении множества идей, сформулированных в моих работах. Парутройку выскажу здесь.

Я рассматриваю государственные аппараты любых стран как социальные организмы-паразиты, отражение социальных конфликтов и материализацию политического отчуждения. Я отвергаю школу М. Вебера и сходных с ним мыслителей, которые развивают идею о «рациональности» государственных аппаратов. Наоборот, государственные аппараты являются носителями анархизма под прикрытием идеологием «государственных интересов», «национальных интересов», «зон влияния», «вождь», «культ личности» и т.п. Клинический пример – Российская империя, СССР, постсоветская Россия.

Для анализа оппозиции я применяю теорию бюрократии. Например, нынешняя власть в России использует сложившиеся в советское время связи власти-собственности-идеологии. Значит, перспективы становления оппозиции зависят от того, насколько она сможет разрушить эти связи.

Политические процессы в России после 1991 г. качнули, но не изменили существенно систему власти-собственности-идеологии, конфронтационное политическое мировоззрение и авторитарно-бюрократические методы управления обществом. Происходит срастание новых партий и движений со сложившейся структурой власти. Этот процесс можно рассматривать как частный случай бюрократизации политических систем. В России законодательные органы являются марионеточными, пользуются методами насильственно-манипулятивного воздействия на общество. Государственный аппарат попрежнему диктует свою волю, не несет ответственности перед населением страны. Формальная оппозиция воспроизводит бюрократические методы политической деятельности. Выборы и парламент не изменили систему бюрократических отношений, государственного формализма и политического рассудка в экономике, политике и идеологии. Главная проблема России – создать такую политическую оппозицию, которая позволяла бы противодействовать данной системе. Для этого политическое недоверие должно быть направлено на политическую систему в целом – ее экономические, политические и идеологические основания.

В работах по проблеме легитимности я показал, что легитимность – это такое состояние политической системы и всех ее институтов, когда они признаются большинством населения на том основании, что обладают научной истиной и политической правотой. Но научная истина и политическая правота были и останутся дискуссионными. Поэтому ни одно правительство мира не является абсолютно легитимным. Например, в России на протяжении существования советской власти телеологическая легитимация (строительство коммунизма), легитимация от «достижений и успехов» (число паровозов, танков, атомных электростанций и т.л.) и от особой «руководящей силы КПСС» была вытеснена традиционной патриотической, этатистской и технократической легитимацией. Нынешняя власть в России широко эксплуатирует эти аргументы.

Моя частная жизнь интереса не представляет, поскольку она целиком подчинена научной работе. Скажу только, что многим я обязан маме – Софье Степановне Козыревой, и не менее того – супруге Татьяне Александровне Марченко.

Политическая философия и политология – одна из главных сфер Ваших интересов. Весьма часто говорят, что философия переживает кризис. Формулируется даже мнение о конце философии. Согласны ли Вы с таким мнением? Если да, то не могли бы Вы указать его причины и следствия? Может ли философия, особенно политическая, еще что-то сказать современному человеку? Как Вы оцениваете место политической философии в посткоммунистических странах?

ВМ: Я не разделяю суждение о конце философии и потому меня не интересует вопрос о его причинах и следствиях. Кризис – это норма социальной жизни, поскольку он дает шанс для переоценки прежних систем мысли, выдвижения новых нетривиальных идей или неожиданного монтажа старых. Политическая концептология – это междисциплинарный подход к анализу, пониманию и моделированию политического бытия и мышления с учетом существующих концепций междисциплинарности, анализа и понимания. Методологический выбор ученого всегда переплетен с политическим. Грубо говоря, пространство выбора сводится к альтернативе *ангажированность – дистанцирование*.

Ангажированность выражается в социальном и когнитивном перфекционизме ученых при описании прошлого и настоящего «своих» народов и государств. Для этого могут использоваться обычный сервиллизм, социальные институты науки, детерминистские и индетерминистские схемы, которые предлагает корпус социогуманитарных знаний. Эти схемы являются вариантами традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национально-государственном, цивилизационном и мировом измерениях. Дистанцирование – это свобода мыслителя от указанных схем. Врядли можно указать теоретика, который был бы абсолютно свободен от них. Связь методологического и политического выбора ведет к бессознательному или осознанному редукционизму и не позволяет постоянно держать в поле зрения проблему дистанцирования гражданина и ученого от указанных схем. Для пояснения приведу несколько примеров.

В начале XX века Англия, Франция, Германия, Россия претендовали на мировое господство в отношении остальных 60 государств. В конце XX столетия мировыми лидерами стали 8 стран из 244. Каждая страна стремится придать всемирное значение собственным историческим, экономическим и социальным процессам. Навязать собственный традиционализм, экономикоцентризм, кратоцентризм и идеократию остальным странам. Но мне не приходилось слышать о таких государственных системах образования, информации и социогуманитарных исследований, которые уделяют истории, событиям и процессам своей страны ровно 1/8 или 1/244 часть всего времени и средств педагогической, журналистской, политической и научной деятельности, а остальное время посвящают остальным странам. Я считаю, история «своей страны» ничуть не интереснее истории остальных стран. Однако государственные системы образования всех стран до сих пор культивируют хуторской взгляд на мир.

Между тем сегодня каждый шестой житель мира – китаец. Не следует ли отсюда, что все страны должны посвящать 1/6 указанного времени и средств истории, культуре и социальным процессам Китая? Однако за пределами «поднебесной» профессиональных китаеведов в каждой стране

можно пересчитать по пальцам. В конце XIX в. в Европе возник стереотип «желтой угрозы». Этот стереотип не ограничился кайзером Вильгельмом II, придворными кругами Российской империи и других стран.

Например, русский писатель В.Крестовский был секретарем начальника эскадры в Тихом океане и официальным корреспондентом «Правительственного вестника» и «Морского сборника». В 1880–1881 гг. он участвовал в походе из Одессы в Японию. Среди прочих стран посетил Китай: «Было пыткой стоять на солнцепеке и нюхать в непосредственной близости специфический запах китайцев, состоящий из смеси касторового и кокосового масла, чеснока и пачули»¹. Одновременно он констатирует: в китайских театрах для мандаринов и ученых людей всегда имеются особые почетные места, соблюдается строгое различие между чинами и сословиями. Купец не может сидеть рядом с мандарином, а чернорабочий с купцом: «Это черта народа гражданственного и, что главное, убежденно-го в превосходстве своей гражданственности»².

Итак, русский путешественник морщится от китайской вони, но одобряет китайский пиетет перед саном и властью, считая его признаком «гражданственности». Значит, ксенофобия существует даже на уровне обоняния – с одновременным ее уравниванием ссоображениями социально-политической иерархии. Для пропорции надо бы привести мнение китайцев о том, как воняют остальные народы и как китайское обоняние связано с китайской оценкой чужеземных представлений о чине и власти. Таких записок мне не попадалось.

Возьму еще одного соотечественника. Бывший работник ООН пишет: нормальный срок работы в одной стране – пять лет. Больше не желательно. Стирается чувство объективности в оценке ситуации, отношения с членами правительства и другими ключевыми людьми становятся чересчур тесными. В итоге человек перестает быть нейтральным и объективным в принятии решений. А в «трудных» странах с напряженной политической обстановкой или с распоясавшимся криминалитетом срок надо сократить до трех или даже двух лет³. Стало быть, объективность и нейтральность в отношении событий и процессов любой страны (включая свою) зависит от того, насколько человек связан с правительством и властью. Чем сильнее связь, тем вероятнее ангажированность и необъективность.

А как быть людям, которые случайно родились в трудных странах (к числу которых относятся все страны бывшего советского блока) и вынуждены в них жить, работать и умереть? Какова степень их повседневной и когнитивной нейтральности и объективности? На этот вопрос не отве-

---

¹ Крестовский В. В дальних водах и странах. Москва, Центрполиграф, 2002, с. 341.

² Там же, с. 328.

³ См.: Демин С. В кривых коридорах ООН. Москва, ИОИ, 2005, с. 216–217.

чают даже сотрудники ООН. Быть может, за это возьмутся политические философы, включая польских коллег?

Можно сказать, что прогресс научного знания и современный мир техники позволил человеку решить множество проблем, связанных с его жизнью в ее различных практических измерениях. Однако он поставил человека в новую ситуацию перед природой и самим собой. Перед экологическими и моральными проблемами. Думает ли Господин Профессор, что современный человек понимает свое положение и может найти удовлетворительные ответы на терзающие его вопросы, хотя бы относительно проблем природы (экологии) и биоэтики? Какие вопросы в данных сферах Вы считаете требующими срочного ответа?

ВМ: Мне глубоко чужда платоновская идея о связи между философией и управлением государством: «Безупречный страж государства будет у нас по своей природе обладать и стремлением к мудрости, и стремлением познавать, а также будет проворным и сильным» (Государство. 376с). Я считаю также ложной идею о том, что прогресс науки и техники поставил человека перед множеством экологических и моральных проблем. Наоборот, эти проблемы порождаются современными государствами. Мой учитель Михаил Константинович Петров показал, что по мере связи науки и техники с военнопромышленными комплексами государств возникает феномен наудачной контрреволюции. Он также сформулировал идею о несовместимости социальных структур, науки и государства. Наука должна генерировать нестабильность во все элементы социальной структуры. Однако социальная жизнь обнаруживает глубокую иронию истории.

Например, государство финансирует науку, а с нею и нестабильность. Государство стало «орудием организованной дезорганизации», с которой оно же само борется. Общество воспитывает человека в традиции нерассуждающего уважения к должности. Бессмертная социальная структура мыслится «социоценозом», штатным расписанием бессмертных должностей, а свобода человека становится в этом случае осознанной необходимостью выбора одной из наличных должностей, сознательного уподобления соответствия должности. Надо изучать центробежные силы, которые не дают обществу застыть, вызывают движение социальной неопределенности, и критически оценить субстрат этого движения.

На протяжении 1990-х гг. стал типичным взгляд: реформы поставили науку в России и других странах Восточной Европы в тяжелое положение. М.К. Петров ставил вопрос совершенно иначе. Наука – это глобальное когнитивно-социальное предприятие взрослых людей. В нем заняты люди любых наций на основе образовательного ценза. Но в конце XX в. полтора десятка стран (четверть населения земли) дают 95% мирового научного

продукта. Одновременно научные сообщества всех стран обладают монополией на подготовку учебников, учителей и преподавателей для систем образования. Отсюда вытекает множество нерешенных ни одним государством мира проблем.

Прежде всего это конфликт наследственной профессии и научной дисциплины. Наследственная профессия транслирует деревенский (общинный) способ социального устройства, при котором основным каналом трансляции являются семья и семейный контакт поколений. Этот канал несовместим с научной формой познания мира. По причине живучести традиции наука пока не победила наследственный профессионализм. При его сохранении наука невозможна. Культурная несовместимость – это мера влияния наследственного профессионализма на научную деятельность. Там и тогда, где и когда дети идут по стопам отцов, а отцы готовят для них почву – возникает культурная несовместимость между наукой и обществом.

Следующая проблема – трансляция религии (теологии) посредством науки. Никейский собор в 325 г. запретил иерархическую интерпретацию бога, но не запретил прорастания принципа иерархии в другие области. Целибат исключил семью из воспроизводства знания, создал модель грамотности, текста и отношение «учитель-ученик». Но Боготец в этой схеме оставался абсолютом. Поэтому ряд элементов научной деятельности (вера в абсолюте, авторитет, порядок, неисчерпаемость нового, запрет противоречия) транслируют элементы теологии (иерархия-импето-инерция-взаимодействие, внешнее управление-свойство, личное божественное участие-предопределение-вечность-законы природы). Эти идеи сыграли особую роль в появлении науки. Но под лозунгом очищения от язычества и ради создания «истинно христианской» церкви, философии, науки, образования, государства разрушали иерархию. Идея о «правильности» мышления по единому образцу – духовный провинциализм. Его берут на вооружение любители поговорить о достоинствах и недостатках рас и наций. Установка на исключение вариантности мышления порождает множество форм знакового фетишизма – от фигуры бога через построения по комплексу Архимеда до утопий и антиутопий, которые транслируют идею «естественной социальности» муравейника (роя). На деле человек – социализированная муха и таракан.

Наиболее острая проблема – привязка научной деятельности к конкретному времени и обстоятельствам. Эта связь порождает «паранауку», которая транслирует следующие барьеры познания:

А) Официальные собрания, совещания, обсуждения, митинги, СМИ, государственные органы по управлению наукой и образованием, ученые советы, редакции, институты научной информации. Все они работают на уровне компетенции выпускников школы. Занимаются рутинным распределением ассигнований на науку. Ищут среди членов научного сообщества

потенциальных авторов учебников. Убеждены в том, что истину можно и нужно голосовать. Но компетентность общего собрания академии наук и прочих официальных структур не выше уровня любой группы взрослых, не имеющих никакого отношения к науке. Деятельность указанных структур – чистый произвол. Он воплощает атрибут всеведения и является реликтом теологии.

Б) Представление о личности (инстанции), обладающей атрибутами всеведения, всемогущества, всеблагости. Наука как высший авторитет сохраняет все атрибуты бога, является реальным, действенным, актуальным, развивающимся во времени агентом-феноменом универсальной глобальной науки.

В) Стремление индивидов к абсолюту всеведения выражается в научном знаковом фетишизме. Все знаковые реалии научного знания не обладают способностью к самодвижению, изменению, развитию, сознанию, рефлексии, определению, выражению и т.д. На этот фетишизм накладываются все существующие языки (около 3 тысяч). По ходу ментального движения в мире национальных знаковых систем взрослеющие индивиды получают образование. Они убеждены, что умнеют и приближаются к абсолюту всеведения. Но любая группа сверстников разобщена, идет в разные стороны сообразно с действующей социальной номенклатурой взрослой деятельности.

Г) Система образования – это способ контроля духовной и культурной жизни общества. Через учебники происходит обожествление и фетишизация Истории, Логики, Природы, Реальности и т.д. Этим понятиям приписываются свойства бога или независимой от человека закономерности. Учебники воплощают ментальную ограниченность человека как естественного, социального, разумного существа. Решения об их издании (переиздании) принимаются под давлением множества рациональных и иррациональных факторов.

Д) Укрепление репродуктивных структур. Основной поток научного продукта прямо не направляется на предмет приложений (технология, управление, организация, медицина, оборона). Через систему образования новое знание направляется на повышение качества репродуктивных структур. Они противоположны непредсказуемому миру свободной миграции, коммуникации и концентрации таланта в мире открытий и проблем.

Е) Активность ученого побуждается набором человеческих страстей, стремлений, склонностей и предпочтений. Согласно Р. Мертону, в научном сообществе существует четыре роли: исследователь, преподаватель, администратор, привратник. Роль исследователя является центральной, поскольку она отвечает за рост научного знания. Героями науки становятся по способности быть исследователем. Отличие науки от других областей деятельности – акцент на продуктивность. Она измеряется числом опубли-

кованных работ и интенсивностью их цитирования в более поздних публикациях. На деле новобранцы науки строят карьеру для движения по иерархиям чинов, степеней и званий в соответствии со стажем работы.

В результате действия указанных социально-политических и религиозно-научных феноменов потерян единый мир открытий, наука разведена по национальным и региональным клеткам. Все перечисленные феномены теоретически несостоятельны. Государства – главные агенты научнотехнической контрреволюции, поскольку заставляют науку обслуживать свои цели и защищают общество от ее обновляющего воздействия.

Экстенсивная модель онаучивания общества сформировала несколько угроз: стремление ликвидировать науку как наднациональный феномен ради краткосрочных выгод; моноглолизм; протекционизм; научный шпионаж и секретность; лишение новобранцев науки доступа к интернациональному потоку публикаций; вытеснение из системы всеобщего образования классических (греческий, латынь) и четырех великих языков науки (английский, русский, немецкий, французский); насаждение учебников в школьные и вузовские программы. В итоге возникла глобальная опасность ментального расподобления человечества. В учебниках постоянно снижается представительство глобальной науки. В школе и вузе законодателями мод стали бездари. Лентяи и тихиходы воспитывают характер будущих взрослых. Ментальная лень стала нормой жизни. Способность мыслить превращается из радостной нормы человеческого существования в беспросветную муку. Бездари стали влиятельной социальной группой, определяющей темп академического движения и стиль жизни в развитом обществе. Это совпадает с влиянием алкоголизма и наркомании на социальную жизнь.

Все развитые государства усиливают все перечисленные свойства. Деятельность политико-административных инстанций всех развитых стран не зависит от глобального феномена науки и теоретических соображений. Указанные тенденции создают сильнейшую инерцию и самоубийственны для человечества. Главную ответственность за сложившуюся ситуацию несет государство и его институты. На мой взгляд, в этом и состоит главный объект политико-философской рефлексии, которую я называю «когнитивным сопротивлением».

Господин Профессор, как Вы оцениваете изменения, которые произошли в нашей части мира после упадка коммунизма? Соответствует ли реальность Вашим ожиданиям и ожиданиям так называемых посткоммунистических обществ? Есть ли у современного человека образ своего будущего? Может ли современный мир угрожать человеку? Или же сам человек есть угроза для мира и для самого себя?

ВМ: То, что происходит в нашем околотке, ничуть не интереснее процессов других времен и пространств. Но движения нынешних «социализированных мух и тараканов» (так М.К. Петров определял человека) понаблюдать не мешает. Например, 55–60% жителей России регулярно смотрят телевизор. Если верить телевизору, проблемы моих сограждан сводятся к выбору дамских прокладок, средств от перхоти, кариеса и стирке белья. Но и читатели не перевелись. В 1998 г. они получили 50 млн. экз. книг политической и социально-экономической литературы, из них 13 млн. по подразделу «Религия». Вроде бы народ интересуется религией. На деле серьезных теологических трактатов ничтожная часть, большинство книг относится к псевдорелигии.

Социология чтения показывает, что на протяжении 1990-х гг. в России сформировались две особенности исторического романа: воспроизводство сложившегося при Сталине комплекса реликтов закрытого общества – идей исключительности национального сообщества и национального человека; доминирование консервативных историко-патриотических романов. У этой версии национального прошлого впервые в российской культурной истории XIX–XX вв. сегодня нет идейного и художественного конкурента. Державно-патриотическая версия отечественной и мировой истории выступает нормой массового восприятия настоящего и прошлого. Этот барьер отсекает все иные конкурирующие значения и оценки. Альтернативные значения, позиции, точки зрения все чаще замалчиваются, вытесняются из публичного обихода сегодняшней России.

Такие книги теперь являются коммерческим продуктом, а не элементом пропагандистской машины. Они создаются, распространяются, покупаются и потребляются вне прямого идеологического заказа или диктата государства. Массовый человек усвоил прежнюю властную «легенду». Таков один из результатов введения рынка сверху.

До середины 1990-х гг. у респондентов социологических опросов преобладало мнение: Россия – баба. Массовое сознание воспроизводило мнение нацистского преступника Г. Франка: «Народ в действительности женственен. В совокупности он – женщина. Он настолько падок на чувства, настолько непостоянен, настолько зависим от отношения к нему, от окружения, настолько легко поддается внушению. Он поклоняется силе, как идолу, вот в чем дело!.. И он так жаждет подчинения»⁴. В соответствии с этой установкой респонденты выделяли в образе русских униженность, привычку к опеке «сверху», непрактичность, лень.

Во второй половине 1990-х гг. респонденты начали выделять положительные черты русского «народного характера» – энергичность, трудолюбие, гостеприимство, религиозность, готовность помочь другим. Ос-

⁴ Гильберт Г. Нюрнбергский дневник. Смоленск, «Русич», 2004, с. 182.

новой символической идентификации россиян стали символы коллективной принадлежности к национальному сообществу. При этом всю вторую половину 1990-х гг. шел процесс политической, отчасти и экономической изоляции России в мире. Однако внутри страны он привел к парадоксальному результату. Власть, большинство населения и СМИ единогласно сконцентрировались на значении, символах и престиже национального целого, его особого исторического пути, судьбы и предназначения.

Стало быть, властная иерархия России культивирует квасной патриотизм. Другие версии остаются в тени. Например, в период гражданской войны идеологи крестьянского движения писали: «Мы впервые даем реальную основу патриотизму. Наш воин будет драться за самого себя... Надо довести индивидуальный патриотизм партизанских масс до наивысшего экстаза, до фанатизма, так, чтобы за благо трудящихся они бросались в огонь и воду, горящие неугасимой верой в победу над врагами трудящихся»⁵. Однако в современной России о таких патриотах не слышно.

Еще пример. Во второй мировой войне Италия была оккупирована Германией, затем – США. После высадки американский летчик ввязался в спор со стариком-итальянцем. Янки доказывал: Америка – самая могущественная и процветающая страна в мире, а ее армия – непобедима; США будут жить вечно или очень долго. Старик считал: выиграет Италия, поскольку она хиреющая страна, а ее вооруженные силы давно обходятся без кровопролитных побед. Поэтому итальянские солдаты больше не гибнут. Погибли все великие державы – Рим, Греция, Персия, Испания. Италия обычно проигрывала войны – и всегда жила припеваючи. Франция побеждала – и все время барахталась в кризисах. Земля от взрыва Солнца погибнет через 25 миллионов лет. А жаба существует на земле 500 миллионов лет. «Можете вы утверждать, – спрашивает старик у летчика, – что ваша Америка, со всем ее процветанием и могуществом, с непобедимыми вооруженными силами и самым высоким в мире уровнем жизни, просуществует так же долго, как жаба?»⁶. До жабы Америке не дотянуть.

Летчик озадачен: родина – не ерундовина, за нее надо умереть. Старик отвечает: родина – это участок земли, окруженный со всех сторон искусственными границами. В войне дерутся 50 или 60 стран, и каждая для кого-то родина. Неужто они стоят того, чтобы за них умирать? Старик руководствуется практической философией: он был фашистом, когда у власти стоял Муссолини; стал антифашистом, когда того свергли; был настроен прогермански, когда Германия защищала от Америки; стал проамериканцем, едва американцы пришли в Италию, чтобы защитить от немцев; но

---

⁵ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы. М., РОССПЭН, 2006, с. 672.

⁶ Хеллер Д. Поправка 22. М., 1992, с. 239.

когда вступали немцы, бросал им навстречу эдельвейсы и выбил глаз немецкому оберлейтенанту черенком цветка; а когда пришли американцы – цветком выбил глаз американскому майору.

Какой патриотизм выбрать – современный государственный, бывший русский крестьянский или итальянский? – вот еще один вопрос, на который нет ответа.

Видимо, Россия находится в особом периоде своей истории. В определенном смысле она вернулась к своим корням времен царя Петра I. Не думаете ли Вы, что Россия после восстановления своей старой идентичности, после бурной эпохи, особенно в прошлом столетии, стоит перед необходимостью самоопределения в новой действительности? Как должна выглядеть современная Россия? Какие задачи признал бы Господин Профессор особенно важными, перед которыми стоят философы и философия в России? И решаются ли эти задачи в настоящее время русскими философами?

ВМ: Я не согласен, что Россия находится в особом периоде истории, что она вернулась ко временам Петра I, что ее идентичность представляет собой какую-то особую проблему по сравнению с другими странами, что перед ней стоят какие-то особые задачи, что она должна как-то «выглядеть», что перед ее философами стоят какие-то особые задачи и т.п. Писал об этом в книге «Русская власть: теоретико-социологические проблемы». Джугашвили в свое время обосновал политику «особого пути России к социализму». Лавры Сосо все еще не дают покоя некоторым. Мы до сих пор хлебам плоды этой политики.

Скажу не о философам, а об историографии (опираясь при этом на исследования профессора Г.И. Зверевой). На современном интеллектуальном рынке России сложились следующие способы изображения ее истории: историческая хроника (отказ от оценок, документальность); историческая публицистика (несоблюдение принципа историзма при описании фактов, свободное обращение со смыслом базовых слов, категоричность оценок); сближение историографии с фольклором и художественной литературой (эпичность, апология мистики и иррационализма, использование обыденного языка). Основу этих работ образуют разные концепции цивилизационной специфики России, ее пути в прошлом, настоящем и будущем, содержание и возможности реализации русской идеи, судьба России. Перемены 1990-х гг. стимулировали интерес власти и ее интеллектуальной обслуги к этим темам. Их актуальность обусловлена официальной концепцией преемственности РФ с СССР и Российской империей. В официозных дискурсах историософские «готовые формы» служат обоснованием геополитического позиционирования новой России при разра-

ботке модели многополюсного мира, аргументами в пользу ее особого положения между Западом и Востоком. При отсутствии прежней официозной идеологии они создают контуры других «догматов веры», которые согласуются с поиском новой государственной идеологии.

Авторы этих работ относятся к неолибералам, неоконсерваторам, неоевразийцам, традиционалистам-почвенникам. Но в любом случае преобладает эклектичное сочетание новой «историософии» (концепция особого пути России) с традиционной схемой политической (национально-государственной) историографии. Представление истории осуществляется на основе некритического соединения формационного и цивилизационного подходов, марксистской (в советской версии) и либеральной (модернизационной) версий всемирной истории.

Большинство авторов заняты выяснением места России в мировой истории и обоснованием ее особой (цивилизационной, национально-культурной) идентичности. Конвенциональность новой «историософии» состоит в идее особенности России (выпадении из «нормы») и огромном духовном, нравственном, интеллектуальном, экономическом и прочем потенциале. При этом сюжет истории выстраивается из коллажа известных событий и иерархии персонажей с ролевыми (словесными и поведенческими) характеристиками. Для этого используются стереотипы «уроки истории», «свое – чужое».

«Историософский» сюжет допускает многовариантность оттенков. В нем непременно присутствуют следующие идеи: континуальность событий; детерминизм преемственности и разрывов (законы, закономерности, причинно-следственные связи); иерархическое структурирование «мирового исторического процесса» (цивилизации, эпохи, века, периоды, этапы); исторические (антропологические, закономерные, циклические) типы; вневременные аналогии. Все авторы претендуют на истинность версий и стремятся объективировать высказывания как соответствующие социально-исторической реальности. Совмещение разных измерений (религиозно-этического, национально-культурного, национально-государственного, державно-имперского, геополитического) облегчают авторам выбор, гипостазирование и легитимацию базовых концептов и производство определенных дискурсивных практик. Стремления к правдоподобию реализуются за счет использования популярных политико-идеологических и социально-культурных концептов, которые представлены как онтологические сущности.

Все эти построения отличаются неверифицируемостью, нефальсифицируемостью, самореферентностью и самоподтверждением. Схемы советского обществоведения (идеализм, провиденциализм, прогрессизм, мессианство, дидактика) используется для того, чтобы вызвать доверие читателя. Ссылки на общие интеллектуальные источники и авторитеты (от славянофилов и западников до Н. Бердяева и евразийцев), использование не-

проблематизируемых слов-концептов и общей риторики создают у читателя впечатление, что он приобрел к новому нормативному знанию.

Использование обыденного языка тоже усиливает «эффект реальности» для потребителя этих текстов. При этом активно используются метафоры, заимствованные из историографии. Например, прилагательное «русский» призвано автоматически придавать существительному новое значение. В либеральных концепциях слово «русский» прилагается к универсалиям (система, власть, популяция) и по замыслу авторов должно их преобразовать в новые (не западные) понятия. У неоевразийцев и традиционалистов-почвенников это слово приобретает статус сакрального.

Новая «историософия» оперирует историографическими схемами, произвольно совмещая и переопределяя их смысл. В их состав входят следующие вербальные конструкции: Киевская Русь, принятие христианства, византизм, Татаро-монгольское иго, ордынство, Московская Русь, Смута 1 (в начале XVII в.), петровская Россия, екатерининская Россия, самодержавие, Смута 2 (гражданская война), сталинизм, смута 3 (современные преобразования). При этом воспроизводится привычка мыслить в пределах идеального пространства, условного времени (мировая или всеобщая история) и внеисторических клише (Россия, Запад, Восток, Азия, Европа и пр.).

Концепт российской цивилизации изначально подразумевает онтологическую целостность, телесную определенность и духовную специфику феномена. Привлекательность цивилизационного подхода объясняется следующим: 1) Отказ от прогрессизма (теории догоняющей модернизации и связанных с нею внутренних комплексов – невозможности подтвердить свое величие и державность социально-экономическими показателями) и апология цикличного развития в рамках самоорганизующихся и самовоспроизводящихся территориальных, конфессиональных, духовно-психологических целостностей. 2) Опора на мифологию – коллективно-исторический, уникальный опыт народа, который выражается в его «духовном складе» и «национальном характере» (ментальности). Это влечет за собой анализ настоящего и будущего государства и общества через культурно-историческое измерение. Отсюда вытекает нестрогость концептов и дисциплинарной риторики.

Так происходит антропоморфизация «русской цивилизации». При описании ее свойств используются: органицистские и биологические метафоры (Гердера, Данилевского, Ильина, Бердяева, Гумилева и т.д.) для обоснования идеи единства, монолитности вокруг русского суперэтноса, тела государства Российского. Независимо от идейно-политических ориентиров авторов формируется апологетическая мысль о преемственности феноменов Державности и Империи в метаисторическом движении / восхождении Российской цивилизации через циклы; персонификация цивили-

зационно-государственного тела (множество личностей и использование метафоры телесности); сопряжение российской цивилизационной органики с совокупным телом русского народа (риторические формулы естественности, богатырства, духовности русского народа) в оппозиции к концептам Западной цивилизации.

Отказ от социально-экономической доминанты и остальные процедуры носят охранительно-консервативный характер. Подчеркивается духовное превосходство России над материальным прагматизмом Запада. Новая «историография» ориентирована на поддержку атрибутов нового национального государства. Это выражается в активном использовании и семантической нагруженности концептов национальной культуры, менталитета, церкви, государства, державы, империи. Таким образом, она имеет «выходы» в современную социально-политическую практику и выглядит вполне прагматичной. В дискурсах отчетливо просматриваются связь новой «историософии» с «русским проектом» федеральной власти:

– постулируемая моноэтничность новой России подкрепляется идеей православной цивилизации, приверженности народа особым духовным и нравственным константам, которые якобы с древности определяют национальный (народный, общероссийский) характер, в том числе – такие его черты, как коллективизм, соборность;

– идея сильной вертикальной исполнительной власти и неактуальности концепта «гражданское общество» для России исходит из тезиса о переходности и пограничности российской цивилизации (третий путь), из исторического опыта Власти как системообразующего начала и из отказа от идеи «модернизации второго эшелона»;

– геополитические проекты многополюсного мира подтверждаются актуализированными неоевразийскими построениями, которые переводятся в практическую плоскость.

Отсюда вытекает специфика постсоветской историософии: методологическая аморфность, познавательная неопределенность и четко выраженный охранительный характер; «новыми» называются старые концепции, поскольку они идеологически близки современной российской власти, а в редуцированном виде почти не отличаются от привычного формационного подхода, слегка приправленного либеральной лексикой; такой дискурс имитирует идеологический консенсус, которого нет в российском интеллектуальном сообществе; в настоящее время нет критериев экспертных взаимных оценок и продуктивного критического диалога в рамках научных коммуникаций. Построения новой «историософии» в постсоветской России – это попытки генерации и закрепления такого научно-публичного дискурса, который претендует на академическую нормативность в изменяющемся пространстве социально-гуманитарного знания и одновременно,

в условиях становления российской государственной идеологии стремится принять на себя властные догматические функции в общественной сфере и образовании.

Остается добавить, что ни с одной из этих схем я не согласен. Например, в рамках культурно-цивилизационного подхода (далее КЦП) написаны горы литературы – от школьных учебников до политических речей и научных монографий. Но вся эта продукция обходит общие свойства КЦП: он отражает кризис исторического познания, концепции рациональности, разрыв классической и современной теорий познания, гносеологии и аксиологии; его риторика смешивает научные, мифологические и спекулятивные утверждения; КЦП радикализирует противоположные типы исторической рефлексии: история очищается с помощью понятий (культурно-исторические типы, цивилизационный процесс, мировая цивилизация и т.п.) или познание очищается процедурой понимающего описания с помощью понятий (душа, лицо, стиль культуры, текст, дискуссия, эпистема и т.д.); транслирует традиционное противопоставление фактов и ценностей; его философские послылки размыты, отвергают идеал истинности, отличаются многозначной семантикой. КЦП – это идеология, выступающая средством рационализации и иррационализации противоречия между сущим и должным. Его познавательная функция включает универалистские теории, тогда как адаптивная замыкается в смыслах отдельных культур. Поэтому семантика и семиотика КЦП дуалистичны⁷.

В постсоветской России культурология стала формой выживания философии под видом нефилософии. Отцы-основатели советской культурологии (С. Аверинцев, А. Гуревич, М. Петров и др.) разрабатывали ее для противостояния советскому официальному дискурсу. Большинство современных культурологов не могут выдерживать определенный дискурс и соответствовать философскому уровню анализа. Поэтому культурология методологически несостоятельна. Она – дитя тоталитарной системы идеологического воздействия. Для обозначения этих свойств КЦП В.Савчук ввел понятие «культурала», конечная цель которого – популярность, обретение власти. Культурал подписывается под чем угодно, лишь бы вызвать интерес у теле- и аудиоаудитории. Он обращен к массовому, а не профессиональному сознанию. Его сверхзадача – удержать внимание и удержаться в кадре. Ради прибыли символического капитала культурал готов на все: «Культурал – производное системы, сети режима актуальности»⁸.

⁷ См.: Следзевский И.В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.

⁸ Савчук В. Режим актуальности. Актуальная философия. Издательский дом СПбГУ, 2004, с. 22.

Не менее важны политические коннотации КЦП. Л. Вульф называет концепт цивилизации империализмом фантазии. Ренессанс делил Европу на север и юг, Просвещение – на запад и восток: «Прежде чем родиться на карте, Восточная Европа родилась в головах просветителей»⁹. Просвещенческая концепция цивилизации обосновывала колонизацию и захваты, устанавливая между землями вымышленную связь. Восточная Европа (и Россия как ее часть) возникла как интеллектуальная конструкция – набор хаотических наблюдений, которые связывали воедино совершенно разные земли и народы.

Из Парижа Восточная Европа казалась идеальным полем для деятельности просвещенных монархов: деспотизм располагался на безопасном удалении, а философы могли помогать мыслью, советом и «планом цивилизации». Восточная Европа создавалась как опытное поле, где Просвещение могло претворять в жизнь свои социальные теории и политические мечтания. По мнению Вольтера и Лемерсье в России все еще предстоит создать или разрушить и создать заново. В любом случае это пространство открыто для любого, «кто пожелает составить правильный план для преобразования здешней формы правления» (по мнению Руссо).

Интеллектуальное господство Просвещения выразилось также в наименовании народов Восточной Европы – они получали имя в результате скрещения этнографии, антропологии, фольклора и расовой теории. В результате древнее представление о существовании восточных варваров (скифы, сарматы, славяне) было перенесено в ХУШ столетие. Тем самым дипломатия, картография и философия образовали треугольник, признавая, подтверждая и оправдывая друг друга. Изобретая Восточную Европу, Просвещение создавало культурный контекст для амбициозных проектов порабощения, осуществлявшихся и в ХVIII веке, и позднее. Для поддержки завоевательной политики были мобилизованы английские, французские, немецкие и американские ученые. В ХХ в. такой подход к цивилизации развивали германские геополитики, американские культурологи (типа С. Хантингтона) и политологи (типа З. Бжезинского) и множество их последователей в сфере теории цивилизации.

Итак, деление Европы на Западную и Восточную – искусственный интеллектуальный продукт. Восточная Европа» – это анахроничная, искусственная категория, хотя она до сих пор удобна по аналитическим и идеологическим соображениям. В Гарвардском университете воспроизводится стремление физиократов ХVIII в. разрабатывать рецепты для Восточной Европы и России. В целом концепт цивилизации – это иллюзия. Вольтер

---

⁹ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., НЛЮ, 2003, с. 517.

в письмах Екатерине II предлагал «упорядочить хаос» – как интеллектуальную и военную цель. И царица ее реализовала в путешествии по Днепру. Иллюзорные превращения деревенских хижин в дворцы, потемкинских деревень в город подчеркивали самую главную иллюзию екатерининского путешествия в Крым, иллюзию цивилизации.

Иллюзия переплелась с колониальной политикой и использованием науки для ее маскировки. Показательный пример – борьба Англии и России в Средней Азии на протяжении от Петра I до заключения англо-русского договора в 1907 г. В частности, экспедиция по захвату Хивы в 1839 г. была обусловлена тем, что Перовский хотел, чтобы англичане поглубже увязли в афганской авантюре и не смогли бы протестовать против аналогичной деятельности Санкт-Петербурга по смене властителя в Хиве. «Если бы стали просачиваться слухи о приготовлениях, то экспедицию надлежало официально характеризовать как «научную», направляющуюся для изучения Аральского моря, лежавшего как раз на пути. Действительно, в последующие годы «научные экспедиции» часто служили прикрытием активности русских в Большой Игре, тогда как англичане предпочитали посылать своих офицеров с аналогичными заданиями в «свободный поиск», что позволяло при необходимости от них отречься»¹⁰.

В декабре 1864 г. министр иностранных дел России Горчаков распространил меморандум, в котором проводились параллели между отношением России к Центральной Азии и отношением Англии, Франции, Голландии и Америки к их колониальным владениям: «Позиция России в Центральной Азии, – гласил документ, – является точно такой же, как у всех цивилизованных государств, которые вступили в контакт с поселениями полудиких кочевников, не обладающих никакой определенной социальной организацией. В таких случаях более цивилизованное государство, как правило, вынуждено в интересах безопасности своих границ и коммерческих отношений осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неуравновешенный характер делает их нежелательными соседями. В свою очередь, недавно умиротворенные регионы нуждаются в защите от грабежей племен, находящихся вне закона, и так далее. Вот почему российское правительство вынуждено было насаждать цивилизацию там, где варварский способ правления вызывает страдания народа, и оберегать свои границы от анархии и кровопролития. Такова судьба любой страны, которая оказывалась в подобном положении. Британия и прочие колониальные державы были неумолимо вынуждаемы не столько амбициями, сколько настоятельными потребностями к дальнейшему распространению своих вла-

---

¹⁰ Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., Рипол Классик, 2004, с. 256.

дений. Самая большая трудность – принять решение остановиться. Мы будем признательны, если ведущие государства, у которых меньше нерешенных вопросов и выше организация, установят для нас с географической точностью пределы, на которых мы должны остановиться». На деле Горчаков просто хотел выиграть время для правительства. Российские завоевания не остановились на обещанных Горчаковым рубежах и продвинулись еще дальше на юг»¹¹.

Итак, под прикрытием разговоров о цивилизации европейские страны расширяли свои владения. Концепт цивилизации маскировал двойную политику России. После меморандума Горчакова полковник М.А. Терентьев в книге «Россия и Британия в борьбе за рынки Центральной Азии» обосновывал необходимость агрессии. Позицию военных выразил генерал Скобелев после взятия крепости Геок-Тепе. Три дня он позволял пьяным войскам насиловать, грабить, резать. А в оправдание своих действий заявлял: «Я придерживаюсь того принципа, что продолжительность мира находится в прямой зависимости от резни, которую вы устраиваете врагу. Чем сильнее вы на них давите, тем дольше они сидят тихо». Это, утверждал он, куда более эффективный метод умиротворения неприятных соседей, чем традиционный британский, использованный Робертсом в Кабуле: публичное повешение главарей порождает только ненависть, а не страх»¹². После аннексии Мерва русские ответили: «это произошло по требованию туркмен, которые пожелали, во-первых, покончить с состоянием анархии, а во-вторых, насладиться благами цивилизации»¹³.

Концепт цивилизации обслуживал связь дипломатии и военщины. Это подтверждается другими примерами стратегии двойной политики России. Одна, исходящая из Санкт-Петербурга, была официальной и склонной к компромиссам. Другая, неофициальная и агрессивная, была в употреблении внутри страны, хотя при необходимости всегда могла быть дезавуирована. В то время граница была неопределенной линией на еще более сомнительной карте. Россия из завоеванных ханств создавала Центрально-Азиатскую империю. После взятия Коканда в 1875 г. оказалось: русские за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов. Но официальное заявление гласило: царь Александр «уступил пожеланиям жителей Коканда стать российскими подданными». На деле большинство населения выступало как против русских, так и против их местных марионеток. А местные царьки стравливали могучих соседей, используя их взаимную ревность, чтобы сохранить свои позиции.

---

¹¹ Там же, с. 365–366.

¹² Там же, с. 476.

¹³ Там же, с. 486.

Такая военно-дипломатическая диалектика существовала и в СССР. Нынешнее распространение культурно-цивилизационного подхода косвенно свидетельствует о ее воспроизводстве.

Господин Профессор, как Вы оцениваете процессы, имеющие место в Западной Европе, а сегодня фактически в Евросоюзе? Считаете ли Вы, что прогрессирующая лаицизация христианской Европы, вредные демографические явления (отрицательный показатель рождаемости) ее автотонного населения и мощные миграционные движения будут способствовать существенным культурным и популяционным изменениям? Не значит ли это, что Европа находится в ситуации потери своей исторической идентичности? Не находится ли она в ситуации падения Рима? Можно ли уже говорить о новой Европе?

ВМ: То, что я говорил о России, целиком относится к Европе. Пусть коллеги из других стран (в том числе Польши) сделают конкретизации применительно к своему времени-обстоятельствам-ситуации. И при этом освободятся от стереотипа *болтовни* (как ее определял Ю.Бохеньски) типа «отрицательный показатель воспроизводства населения», «культурные и популяционные изменения», «потеря исторической идентичности», «ситуация крушения Рима» и т.д. Я думаю, дилемму современной Европы хорошо обозначил американский генерал Джордж Паттон после знакомства с нею. С одной стороны, он объединил отъявленных германских нацистов и американских демократов: «СС – это все равно что демократы в Америке». «Нам не надо слишком беспокоиться об охране концентрационных лагерей. У нас в Штатах найдется немало ублюдков, готовых командовать в таких местах»¹⁴. С другой стороны, критически высказывался о России: «В дополнение к другим азиатским свойствам их характера, русские не уважают человеческую жизнь – они сукины дети, варвары и хронические алкоголики»¹⁵.

Возникает вопрос: свободны ли современные европейские страны от американских «ублюдков» и русских сукиных сынов, варваров и алкоголиков?.. Пусть на него ответят мои евроазиатские и атлантические коллеги!

Вместо общего разговора о лаицизации приведу результаты исследования Русской православной церкви (далее РПЦ)¹⁶. Прошло 15 лет с мо-

---

¹⁴ Хиршсон С. Генерал Паттон. Жизнь солдата. Москва, Изографус-ЭКМО, 2004, с. 714.

¹⁵ Там же, с. 724.

¹⁶ См. об этом подробнее: Митрохин Н. Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы. М., НЛЮ, 2004.

мента обретения Церковью независимости от власти партгосаппарата. После XVII в. Церковь никогда не имела такой свободы в принятии решений и выборе путей развития. На протяжении 1990-х гг. Церковь расширяла свою сферу влияния. Это выразилось в наращивании базовой инфраструктуры Церкви (по сравнению с 1992 г. число приходов и монастырей возросло вдвое), решении кадрового вопроса с духовенством, создании необходимых для ее деятельности образовательных, благотворительных и производственных организаций, беспрепятственной деятельности в издательской и информационной сферах, получении доступа во все социальные учреждения, государственная поддержка при строительстве и реконструкции храмов. Но вся эта деятельность столкнулась с сопротивлением других социальных групп и породила острые проблемы, которые провяжут себя в ближайшее десятилетие.

Церковь понимает под возрождением православия в первую очередь восстановление отнятых у нее в годы советской власти храмов и монастырей. Большинство из них находится в сельской местности и малых городах. Но количество крестьян в Центральной России резко уменьшается, а их религиозная культура крайне низкая. Основная масса населения проживает в крупных городах. Это ведет к тому, что огромные средства и усилия по реконструкции сельских церквей окажутся напрасными. В ближайшие 10–15 лет сотни приходов и десятки монастырей в обезлюдивших аграрных районах закроются. Сейчас церковь в России имеет треть от числа общин и половину от дореволюционного числа монастырей. Вернуться к ситуации 1917 г. ей не удастся.

Церковь вернулась к архаичной вотчинной системе управления и уничтожила приходы как самостоятельные собрания верующих. Это породило реакцию в виде «антиархиерейского движения», которое покушается на вотчинную систему. Пока невозможно ответить на вопрос: как в ближайшее десятилетие разрешится этот конфликт?

Социальный облик верующих за последнее десятилетие существенно не изменился. Его основа – бабки, а на смену интеллектуалам пришли люмпен-интеллигенция, «советские люди», ощущающие страх перед новыми временами, и полукриминальные предприниматели. Церкви не удалось решить проблему привлечения в храм среднего городского жителя. Ядро *воцерковленных* все более замыкается в особую этноконфессиональную общность. По ментальным и ценностным ориентирам она дистанцируется от основной массы населения страны. Число *воцерковленных* в государстве незначительно. И вряд ли в обозримом будущем дорастет до 10% населения.

Произошли серьезные идейные изменения. Церковь окончательно отказалась от идеи модернизации и адаптации к условиям постиндустриального общества. Фундаменталисты и консерваторы во внутрицерковной дискуссии одержали победу над либералами за счет использования само-

изоляции и страха *воцерковленных* перед миром. Катехизация, просветительская и диаконическая деятельность подавлены. Духовенство надеется на свои связи с государственными органами, и полагает, что они должны влиять на отношение к Церкви «простого народа».

Однако церковные администраторы вынуждены постоянно править политически (чтобы отбиваться от обвинений фундаменталистов, перехватывать их лозунги и уменьшать влияние радикалов на *воцерковленных*). Администраторы РПЦ давно находятся в глубокой идейной оппозиции к российскому обществу и государству. Церковь все более солидаризуется с маргиналами для реализации программ, основанных на традиционалистских, антидемократических и этнонационалистических идеях.

Децентрализация церковного управления привела к бурному росту экономической активности. Но по мере насыщения рынка и обострения конкуренции часть церковного производства закроется.

Особенно изменились отношения с государством. Период относительной свободы принес РПЦ большое число проблем. После 1993 г. Церковь обменяла свою самостоятельность на государственное покровительство и финансирование. Новая редакция Закона о свободе совести признала де-юре особую роль РПЦ. Однако с 1999 г. отношения с федеральной властью ухудшаются. Власть отказывает Церкви в реализации ее требований (реституции, ограничение свободы совести, введение обязательного православного образования в школах). В отношениях Церкви и государства произошел откат.

Его причина – провал социальной деятельности РПЦ как главного неправительственного игрока. Учрежденных ею больниц, домов престарелых и приютов немного. В основном они существуют на средства государственных и полугосударственных организаций. Под социальной деятельностью РПЦ понимает пастырское окормление и катехизацию. Поэтому она вмешивается в работу государственных органов и учреждений соцзащиты. Мешает им сотрудничать с другими конфессиями, готовыми предоставить материальную помощь больным и несчастным людям.

Падает кредит доверия к Церкви, хотя она попрежнему ставится в первую тройку наиболее популярных общественных институтов. Население протестует против введения «Закона Божьего» под видом «Основ православной культуры». Закрытость информационной политики и негативное отношение Церкви к деятельности СМИ усиливают негативное отношение к ней государства и общества. Духовенство и большинство *воцерковленных* агрессивно относятся к любой инаковости и иноверию. Это ведет к краху межконфессионального мира в России, хотя число верующих не столь велико, чтобы привести к заметным социальным последствиям. А в конфликтах между верующими не бывает правых и виноватых.

Итак, на рубеже XX–XXI вв. РПЦ упустила шанс вписаться в современный мир, стать одним из ключевых институтов формирующегося в России гражданского общества. Она все более становится реликтом прошлых веков. Одновременно она организационно разлагается, превращаясь в замкнутое и плохо управляемое сообщество регионального значения. При антидемократическом направлении российской политики РПЦ может стать важным элементом консервативной государственной националистической идеологии. На деле она повторяет путь других больших конфессий в Европе. РПЦ становится прибежищем для людей с низким уровнем образования и «традиционалистским» мировоззрением, выглядит «пустым местом» для среднего класса, превращается в объект насмешек для интеллектуалов и молодежи, остается наблюдателем и критиком, но не участником политических и социальных процессов.

Господин Профессор, Вы – один из философов и ученых, имеющих опыт и знание реалий других стран Центральной и Восточной Европы. Особенно хорошо Вы знаете Польшу и Вас знают в Польше. Не мог бы Господин Профессор поделиться своими размышлениями на тему пространства, которое мы условно определяем Странах Славянских Культур? Эта проблема особенно значима после расширения Евросоюза не только за счет прежних государств восточного блока, но и за счет прежних советских республик. Встает вопрос: не возникает ли в Европе новая берлинская стена, в данном случае – и между славянскими странами? Какие задачи в данном контексте Господин Профессор считал бы важными для философов этих стран, в том числе и для журнала философов славянских стран «София»?

ВМ: Я не считаю славян каким-то особым этносом. Для критики этого культурно-исторического стереотипа приведу несколько соображений.

Как известно, идея славянства как особого этноса первоначально возникла в Ватикане для обоснования мягкого продвижения католицизма на Восток. Конфессионально она была реализована в создании греко-католической церкви, а в образовательном отношении – в организации Славяно-греко-латинской академии в Киеве. Затем идея возникла заново в Чехии XIX в., была заимствована некоторыми предшественниками польской, русской, украинской и других восточноевропейских интеллигенций и воплощена в жизнь в создании Славянского комитета в России во время русско-турецкой войны 1876–1878 гг. Едва Сталина клюнул петух в жопу (т.е. во время советско-германской войны), он тоже создал Славянский комитет. В любом случае преследовались политические, а не познавательные цели. Сегодня в некоторых странах Центральной и Восточной Европы не-

которые печатные органы и институты тоже пропагандируют славянскую идею.

Между тем русская графиня сообщает: жизнь русской эмиграции в Праге (одном из центров восточноевропейского славянофильства в версии Т. Масарика) после гражданской войны в России была самой неинтересной, а Прага – тоскливый город, поскольку там живут чехи. В доказательство приводит две истории:

1) «Там был такой обычай – что когда какая-нибудь девица хочет выйти в люди, она находит себе жениха и оплачивает его учение. Если ему не на что учиться... И они договариваются, он кончает учение, и они женятся. И вот, у брата был товарищ, чех, который был под таким обязательством. И она ему высылала каждый месяц столько-то денег, и все. И за три месяца до окончания он влюбился понастоящему. Он к ней поехал и сказал: «Я тебе все верну. Меня уже ждет работа. И моя невеста тоже работает. Я тебе обязуюсь все вернуть». Но она ему сказала: «Нет. Договор есть договор». И он пошел и зарезался... И когда его хоронили, то огорчились два человека – мой брат и еще один русский, который там учился. Все остальные говорили: «Какой подлец! Как он девушку подвел – взял ее приданое, и теперь у нее нет ни жениха, ни денег». Такие вот нравы. На этом фоне мы, русские, как-то не вписывались в это все совершенно».

2) «Один молодой человек поехал с девицей на мотоциклетке. Доехали они до какой-то полянки, он сказал: «Ну давай, ложись!» А она говорит: «Нет». Он ей: «Ах ты, бесстыдница, я истратил на бензин столько-то, а ты что!» Все рассчитывалось так». Такое скотство было распространено с пятнадцати лет. И там часто удивлялись: «Он с ней ходил с пятнадцати лет, а потом еще на ней женился. Подумайте, какой хороший человек!»¹⁷.

Пусть каждый, кто сегодня пропагандирует славянскую идею, выберет, что лучше – зарезаться или заплатить за бензин...

Взамен любых этноцентристских и нациеориентированных концепций я предлагаю соединить идею негативной свободы со свободой каждого конкретного человека, нации, этноса от своекорыстия (материального интереса), властолюбия (политического интереса) и идеократии (идеологического интереса). Из этой модели вытекает множество следствий для конкретных исследований социальных структур и сравнения людей и стран. По крайней мере, апологетам славянской (а равно германской, скандинавской, евразийской, атлантической, европейской, исламской, африканской

---

¹⁷ Интервью с Лидией Александровной Успенской (1906 г.р., урожденной Мягковой). Интервьюер Софья Чуйкина // *Ab Imperio*. 1/2004, с. 322, 329–330. Она сообщает также, что в январе 1920 г. чехословацкое командование выдало советской стороне адмирала Колчака и находившиеся при нем остатки золотого запаса в обмен на право свободной эмиграции, держав, однако, несколько десятков тонн золота. Там же, с. 323.

и т.д.) идей надо будет доказать, что их люди и этносы больше всех остальных *презирают деньги, властьсобственность и духовное господство...*

Такова лишь одна из «актуальных задач» научного сообщества.

Другие проблемы, которые Вы считаете значимыми, но их не оказалось в сформулированных вопросах...

ВМ: Думаю, польские коллеги и коллеги из остальных стран могут применить высказанные мною тезисы к своим временам и обстоятельствам. С удовольствием послушаю их соображения.